

александр тимофеевский

размышления на берегу моря

александр тимофеевский

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА БЕРЕГУ МОРЯ

Москва
Воймега
2008

УДК 821.161.1–1 Тимофеевский
ББК 84(2Рос=Рус) 6-5
Т 41

Т41 **Тимофеевский А. Размышления на берегу моря.**
– М.: Воймега, 2008. – 160 с.

ISBN 5-7640-0091-2

*В оформлении обложки использована работа
Людмилы Танасенко*

© А. Тимофеевский, 2008
© «Воймега», 2008

БИЛЕТ ПЛАЦКАРТНЫЙ

• • •

Подарить тебе апрель –
Талый снег, ручьи, мокрель –
Месяц радости твоей,
Где смешны зимы угрозы,
И опутаны березы
Сетью тонкою ветвей.
Где отсутствуют листочки,
Их в помине даже нет,
Только лопаются почки,
И зеленый брезжит свет.
Отряхни свои заботы,
Я вплету тебе в веночек
Одуванчик желторотый –
Детства вольного цветок.
Где дубрав тенистых шум,
Белоснежный ландыш светел –
Целомудренный свидетель
Гордых отроческих дум.
Там, где нежность, нега, лень,
Там, где юность – ближе к маю, –
Я в окно тебе бросаю
Ливня пленницу – сирень.
В август, самый сенокос,
Я приду с букетом роз.
Запах сена, скрип телег...
Розы пламенного цвета,
В них и страсть, и зрелость лета,
И слиянье бурных рек, –

Это образ благородный
Завершения трудов,
Ожидания плодов.
А придет ноябрь холодный,
Ляжет наземь белый пласт,
В день унылый и прощальный
Принесу осенних астр –
Символ мудрости печальной.

• • •

Осталось так немного моря
нам в море синем,
Совсем немного неба – в небе,
в степи – полыни,
Осталось нам немного снега
зимою белой,
А осенью – опавших листьев
и хвои прелой.
А в знойный день – шмелей гудящих
на той поляне,
А ночью – звездочек блестящих
в ночном тумане.
Мы так немного успели сделать,
совсем немного,
А между парт учитель ходит
и смотрит строго.
Вот-вот раздастся звонок знакомый,
такой далекий.
Учитель скажет – сдавать работы,
конец урока.

СОН

Жизнь моя вытекает по жиле,
Ножик сонную жилу рассек.
– Долго жили, не тем дорожили, –
Говорит мне седой старичок.
Сердце бьется все легче и легче,
Кровь спадает и снова течет.
Старичок мой бормочет и шепчет,
Наставляет, глаголет, речет, –
Смертный сон никому не опасен,
Добрый сон... Самый крепкий из снов, –
И таинственен так и не ясен
Ускользящий смысл его слов.

• • •

Все у нас, людей, не просто:
Мы лишь пару глаз имеем,
За всю жизнь взглянуть на звезды,
Может, раза два успеем.
Любим, как деревья рубим,
Губим, и того не чаем.
Сквозь личины самолюбий
Милых мы не различаем.
Да к тому ж с деньгами туго,
Про запас не остается.
Умереть бы нам за друга –
Жизнь всего одна дается.

• • •

Бодхидхарма, методом явочным
Все постигший высокий дух,
Ты не видел в Москве на лавочках
Медитирующих старух?
Дожевавши черствую корочку,
Все надеются – их спасут.
И сползают с лавки на корточках,
И наотмашь в снег
И в инсульт.

• • •

Быть может, не во сне, а наяву
Я с поезда сойду напропалую
И в чистом поле упаду в траву,
И зареву, и землю поцелую.
Конечно же, ты прав, хоть на луну,
Хоть к черту на кулички, но не ближе –
Чем я сильней люблю свою страну,
Тем больше государство ненавижу.

• • •

Билет плацкартный – это вид
На тридцать шесть часов без бедствий.
Что за окном? Какой там вид?
Приплюсни нос к стеклу, как в детстве.
Кончается татарский Крым
С его пологими горами.
Я суру наугад открыл,
Что нам обещано в Коране?
Что ожидать нам от судьбы,
Какие будут перемены?
А телеграфные столбы
Бегут, как русские из плена.

• • •

Я книгу написал
И дал прочесть
Рязанову,
И Люське Петрушевской,
И Лебединской Лиде,
И Фазилю.
Никто стихов, конечно, не прочел.
Я возроптал
И обратился к Богу.
И мне раздался трубный глас
Оттуда:
Балдович, кто ж стихи читать захочет
В дни страшного суда!?

• • •

Здесь ласточки, и солнце, и трава,
И тот неповторимый запах лета.
Душа находит вдруг свои права,
Свои права, утерянные где-то.
Здесь древний храм и юный небосвод
И нету нужды плакать и метаться,
А хочется молитв и медитаций.
Одна беда... бубнит экскурсовод.

• • •

Был человек Сашка,
Ему было десять лет.
Этого человека ты не знала.
И он давно умер.

Был человек Сашка,
Ему было двадцать лет.
Этого ты знала,
Но и он умер.

Был человек Сашка,
Было ему тридцать лет.
Этого ты знала мало,
И он умер.

Был человек Сашка,
Ему было сорок лет,
Но ты уехала в Израиль,
И он умер.

Был человек Сашка,
Ему было пятьдесят лет,
Ты с ним мельком встречалась в Москве,
И этот тоже умер.

Есть человек Сашка,
Ему под семьдесят,
Тип довольно противный,
И говорить с ним не о чем,
Хотя он еще и не умер.

• • •

Виновато шепнешь: я чуть-чуть...
Тут же в кресле уснешь под часами.
В одиночку проделанный путь
Не увидишь моими глазами.
Трех таинственных света снопов,
Бьющих ввысь над чернеющим лесом,
И моих однозвучных шагов
Не услышишь скрипучую мессу.
Здесь от гравия снег побурел,
Тень от сосен легла на дорогу.
Я, наверно, любить не умел,
Вечно путал любовь и тревогу.

• • •

Что мне Гекуба, я Гекубе...
Беда не в том, что я изгой.
Мой мозг, как пол в колхозном клубе,
Засыпан семечек лузгой.
Я от субботы до субботы
За суетой бесплодных дел
И часа не имел свободы,
Чтоб сделать то, что я хотел:
Свой разум, что так пошл и гадок,
Освободить от шелухи
И привести его в порядок,
И сесть, и написать стихи.

ХРИСТОС И ЕГО УЧЕНИКИ

– Почувствовать своей чужую боль –
Вот моего ученья смысл и соль.

Мы отвечали:

– Что ж тут не понять?

Он нервничал. Он начал нам пенять:

– Почто ж тогда, – он говорил в сердцах, –

Сии слова не пишете в сердцах?

Любите ближнего, как самого себя,

Пусть боль его покажется нелепой,

неправильной...

Мы отвечали:

– Проще репы пареной

Такой завет. Записывать? Зачем?

Возлюбим ближнего. Нет никаких проблем!

Он нервничал, он начал нам пенять:

– Пять тысяч лет пройдет – вам не понять!

• • •

Не помни зла. Наполни
Осенним ветром грудь
И это зло не помни,
И то совсем забудь.
Не помни зла, не помни,
Утишь сердечный стон.
Как шторкой зло задерни,
Забудь его как сон.
Не помни зла. Возвысься.
Не раздражайся! Брось!
Обид сухие листья
Скорей на землю сбрось.
Стань деревом в долине,
Стряхни обман и ложь.
Очисти себя до линий,
Оставь один чертеж.
Вернись назад до точки.
Услышь, как кровь течет,
Как набухают почки
И новое растет.

ЛЮБЛЮ

• • •

Докучный бумагомарака
Строчит целый день за столом,
И тако строчит, и инако,
Однако всегда ни о чем.
А как совершается чудо,
А как получается стих?
Во-первых, услышать оттуда,
И здесь полюбить – во-вторых.

• • •

Какая ночь! В такую ночь
Дидона, или нет, Медея...
Проснись, поэт, ликуй, пророчь,
Пиши, от счастья холодея.
Ночь воцарилась на земле.
Мир перестал нам быть тюрьмою.
И ясно слышно, как во мгле
Невидимое дышит море.
В пересечение узких туч
Луна напоминает тигра,
И кажется, что рядом ключ
Открыть божественные игры.
И снят на красоту запрет –
На человека и растенья
Струится с неба добрый свет
От звезд, которым нет сравненья.

• • •

Глаза в глаза загляделись,
И Федерико Гарсиа
Расчесывал волосы ночи.
Три шелковистых пряди
Сплетал он в тугую косу.
Три шелковистых пряди –
Рожденья, любви и смерти.

• • •

Владимиру Дубровскому

Пока мы спали как убитые,
Открылась над Землей она,
Звездами туго вся набитая
И не имеющая дна.
Там от созвездия к созвездию
Быстрей движения ресниц
Несет последние известия
Поток космических частиц.
Такие крохотные, нежные –
Сумей, попробуй опиши.
Летят сквозь пустоту безбрежную
И в оглушительной тиши.
Их назначенье – притяжение,
Космическая круговерть,
Сближение и солнц кружение,
Рождение и жизнь, и смерть.
Не буду спорить я с учеными.
Я не ученый, я простак.
Вы их зовете гравитонами,
Но я бы их назвал не так.

В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ

Часть жизни занимали споры
И им присущие слова.
Часть жизни занимали горы,
На них растущая трава.
Часть жизни занимало поле
И запах лета и лугов.
Часть жизни занимало море,
А остальное все – любовь.

• • •

На Киевском вокзале,
Где продают сирень,
Мы сердце открывали
Друг другу целый день.
Сирень в тот день, похоже,
Была для нас судьбой,
Сирень была похожа
На море и прибой.
Куст соловьиной трели,
И ливень, и гроза,
И из него смотрели
Армянские глаза.
Торговка исчезала
И появлялась вдруг,
И из дверей вокзала
Тащила целый тюк,
А после к нам шагала,
Три ветки нам даря,
Как на холсте Шагала,
По воздуху паря.

• • •

Мой люблюд*, смешной зверок,
С мягкой шерсткой за ушами,
У дверей всегда стерег,
Чтобы нам не помешали...
У дверей, как друг, не раз
Мог меня он ждать часами.
Но порой сапфирный глаз
Наполняется слезами.
Затрепещут два крыла,
Дикий мяв терзает уши,
Дескать, мол, что за дела?
Ты забыл мне дать покушать.
И, сожравши «Кити-кет»,
Прыгнет от избытка чувства,
Словно бабочка на свет,
И кружится возле люстры.

* Люблюд – гибрид стрекозы с котом.

РЕМЕЙК

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.
Надлежало быть ей утром рано
Где-то там, в предгорьях Алатау.
Целовала каменное тело,
Оплела его дождинок сетью,
И остаться тучке захотелось
На вторую ночь, потом на третью...
Загуляла тучка золотая,
Поломала все метеосводки,
Прогнозист вопит и выдирает
Волосы седые из бородки.

• • •

Пока цепляешься за сонм
Шутейных дел, пока блажится
Реальность, драпируясь сном,
Бессовестно не обнажится.
И ты блажной, и все блажны,
И важен пьяный треп без связи,
И четко не обнажены
Несуществующие связи.
Но обнажатся в тот момент,
Когда, в сердцах, воскликнув – Боже! –
Не в силах удержать предмет,
Застынешь ты в нелепой позе.
И станет ясен твой расклад:
Быть сразу в роли истукана,
А также в роли со стола
На пол летящего стакана!

• • •

Мир хрупок и звенит. Деревья
Впечатались в стеклянный воздух.
Поедем к дедушке в деревню.
И в монастырь. И примем постриг.
Картоху будем есть, соленья...
И будут медленные годы,
И будем ждать, когда моленья
Пройдут сквозь каменные своды.

• • •

Добрая весть
Кончается здесь,
Близится там,
Спасибо друзьям:
Платану за тень,
Птичке за трель,
Морю за синь,
Рюмке за дзынь!

• • •

Мне осталось чуть-чуть,
Кое-как дотащился до цели,
Где кончается путь,
Начинается жерло тоннеля.
Будет пение птиц,
И сирень будет пенно лилова.
Среди милых мне лиц
Я увижу тебя, дорогого.
Скрипку вжавши в плечо,
Ты сыграешь чакону Витали.
Что там будет еще,
Несущественно. Это детали.

СКЛЕРОЗ + РЕИНКАРНАЦИЯ

I

Склероз спешит стереть названья
И уничтожить имена
Уже на все до их скончанья
Оставшиеся времена.
Склероз забвение готовит
И назначает казнь словам,
Чтобы лишить меня любви,
Моей привязанности к вам.
Мой мозг туманен и неясен,
Какая горька беда!
Не помню слов: береза, ясень,
Ракита, ива и вода.
Тогда по тропам партизаньим
Мысль отправляется в маки,
Чтобы любить вас без названья,
Мои деревья вдоль реки.

II

Я б хотел возвращаться,
Когда рыбки танцуют,
Встречая рассвет,
Когда птички поют,
И восток розовеет,
И ветер резвеет
И врывается в форточку
С криком – салют!

Я б хотел возвращаться с утра,
Когда солнце в снегу утопает,
И в ночи,
Когда лес засыпает,
И весной,
Когда взрываются реки,
И летом,
Когда пляжный разносчик
Кричит –
Че-бу-ре-ки!
И осенью лисьей,
Когда жгут ее листья
И по скверам стелется дым.
Я б хотел возвращаться всегда.
И еще возвращаться туда,
Где я был молодым.

III

Я умер.
Натурально стал ничем.
Но вдруг очнулся.
Завершился цикл
Известных всем давно метаморфоз.

И в результате,
Как и предсказано в моих стихах,
Я превратился в море –
О, велле, воге, хвыля, волны выли,
О, буря, шторм, унветтер, смерч, барраска, волн барашка,
Уотер, вассер, о, вода, уда, акула,
О, меер, зее, си, мер, мар, агуа,
О, ветр, о, винд, о, вант, виентро буйный самый,
О, море, море, море, море,
Мама!
Пластмассовый баллон и битое стекло,
И куча ракушек гниющих –
Вот мой берег.
А может быть,
Я морем и не стал,
А просто очутился в море –
Безостановочно, бескрайно,
Подобно богу и судьбе,
Что означает море? Тайна,
Сокрытая в самой себе.
И море шлет свои соблазны,
Загадкой мучая умы.
Томительно однообразны
Его холодные шумы...

Остановилось время.
Цепь событий
Уже не тянется,
Как след от самолета.
Не стало вдруг «недавно» и «давно».
Явленья прежней жизни
Нахлынули, достали,
Навалились
И, окружив кольцом,
Терзают душу.
Я умолять стал бога о забвенье.
Бог дал забвенье.
И я тотчас начал
Утрачивать, лишаться и терять...
Я забывал слова,
Как листья с дерева
Их ветер уносил,
Склероз срезал,
Как гроздья винограда –
О, Волга, воге, хвыля,
О, буря, шторм, унветтер, ветры выли,
О, меер, зее, си, смерч бурный самый,
О, море, море, море,
Мама!

Я помнил, что не так
В начале было.
Но как?
Уже припомнить я не мог.
Слова бесшумно облетели,
Уста, лишившись слов, немели,
И в море обнажились мели.
Между тем,
Воспоминанья острыми зубами
Мне грызли сердце.
Но я чувствовал лишь боль,
А что за ней
Уже не понимал.
Порой, наоборот,
Я помнил имя,
Но смысл его был темен для меня.
Так слово безобразное –
Акула –
За мной гонялось,
Мучило, терзало
И, наигравшись мною, исчезало,
Как поезд, отошедший от вокзала.
Я выбивался из последних сил
Но зря старался, все слова забыл

И постоянно
Повторял лишь это –
О, Веге, хвыля,
О, меер, зее,
О, море, мама...
А позже в памяти
Осталось только «мама»,
И я твердил все –
Мама, мамой, маме...
Но, выброшенный на берег цунами,
Мгновенно исчерпал свои вчера
И, память исчерпав, забыл о маме,
И горько плакал,
И кричал – уа!

ЗАМЕДЛЕННОЕ КИНО

У ОМУТА

I

Счастливый жребий выпал мне:
Прожить в краю садов,
Не зная бед, как в сладком сне,
До четырех годов.
До четырех годов, а в пять
Мне было суждено
Под мельницей, попавши в падь,
Волчком уйти на дно.
У омута на быстрине
Настиг меня отец,
На миг он опоздай ко мне,
Пришел бы мне конец.
Когда б он опоздал на миг,
В ушах звенел бы звон,
И к лику ангелов святых
Я был бы сопричтен.

Течет вода на быстрину,
Кружит водоворот,
И я волчком иду ко дну,
Но все во мне поет.
Восторг звенит в моей груди,
В глазах моих круги:
Отец земной мой – погоди,
Небесный – помоги!

И вдруг раздался этот миг
На много тысяч дней,
Иль сжалась жизнь в мгновенный вихрь,
Как тут сказать верней.
Вся жизнь, как бесконечный взрыв
В замедленном кино.
Вся жизнь в грядущее прорыв –
Вагонное окно.

Вся жизнь до срока, до поры
Раскрывшийся бутон.
Вся жизнь с наскока вниз с горы
Несущийся вагон.
Вся жизнь, все дни моей судьбы,
Живущие во мне,
Как телеграфные столбы,
Бегущие в окне.
Вся жизнь вместилась до краев
В кратчайший миг один –
От лепетанья первых слов
До старческих седин.

Вся жизнь моя от первых снов
И глупых детских слез
До неоплаченных долгов
И ран, что я нанес.

Со всех сторон глаза, глаза
Глядят в упор и вслед,
Трепещут, по волне скользя,
Боясь сойти на нет.
А я вьюном иду ко дну
С тех пор и по сейчас,
Но я забыл, что я тону,
Я тут в снегу увяз.
Снег, наледь, тяжело ногам,
На сердце скукота,
И я тащусь в универсам
За кормом для кота.
И мне лицо секут ветра –
Двоится все от слез,
И два метра, и два Петра,
А посередке мост.

II

Не во сне, не на яву
Я иду через Неву.
Иду по мосту девять ден,
А мост стальной, как жизнь, длинен.
Небо присыпано золой.
Со мной играет ветер злой.
Дует в шею, валит с ног.
Спотыкаясь, скольжу, склоняюсь вбок.

В черной талой воде, во льду
Кто-то ночью попал в беду.
Вот он стонет, кричит, зовет –
То утонет, то вновь всплывет.
Где-то в городе бьет набат,
В черной проруби тонет брат.
Выплыл брат мой – гребок, гребок –
И обратно, как поплавок.
Что ты скачешь, как бес, в волне?
Что ты плачешь – ко мне, ко мне,
Душу томишь – тону, тону!
Что ты стонешь, я сам стону.

Черт на мост меня занес,
Что ни шаг – сугроб, занос.
Иду по мосту девять ден,
А черный мост, как жизнь, длинен.
Снег-то по морде мне шлеп-шлеп,
Жалит щеки, жалит лоб.
Мороз горячий, как огонь,
К перилам прикипает ладонь.

Что ж он хочет, чтоб так спроста,
Я средь ночи к нему с моста?
Если правильно сигану,
Значит, точно пойду ко дну.
Буду там я лежать всегда,
Будет течь из ушей вода...
Если прыгну не в полыню,
То достанусь я воронью.
Череп, треснувшись о быки,
Разлетится на черепки,
Кости выскочат из колен,
И не будет мне перемен.

В бесконечность, в пустоту,
На карачках по мосту
Ползу, как жучка, девять ден –
Проклятый мост, как жизнь, длинен.
А тот кричать уже устал.
С трудом открываются уста.
Голосом сдавленным, как во сне,
Руки, ноги выкручивает мне

– Саня, Саня! – меня зовет,
То утонет, то вновь всплывет.
– Сил, – кричит, – на один гребок.
Саня, Саня, спаси, браток!
Что он бьется в крутой волне?
Что он рвется ко мне, ко мне?
Темень жутче, мороз лютей,
Звал бы лучше других людей.
Скулы сводит от той возни,
Вот он, вроде, опять возник.
Вот он снова пошел ко дну:
– Братцы, это ведь я тону!..

• • •

Отбросим бред, почерпнутый из книг,
И, не дочтя, захлопнем их в досаде.
Действительно, остался только миг,
Всего лишь миг, но он остался сзади.

Стремятся к равновесию весы,
За нынешними вслед бегут, как псы,
Давным-давно случившиеся ночи
И расстоянье делают короче.

А прожитые дни и вечера
В затылок дышат, и от них мне тошно –
Мои вчера, как черная дыра,
Спешат меня втянуть и сделать прошлым.

Так между пробуждением и сном
Петляет время и меняет вектор,
И вдруг, остановившись, ставит метку –
Косящий бег оленя прерван псом.

• • •

Как судьба ни корила,
Я писал, что хочу,
И катил по перилам,
Как школяр по лучу.
И про то, и про это –
Сам себе господин,
И о чем из поэтов
Не сказал ни один.
Да, писал я красиво,
А теперь завяжу.
Выпью кружечку пива,
И конец кутежу.
И заеду к Алехе
По пути из пивной,
Равнодушно к эпохе
Повернувшись спиной.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА БЕРЕГУ МОРЯ

ВРЕМЯ

Борису Владимировскому

Поговорим с тобой о времени,
Ему назначено, однако,
В физической системе не
Иметь минусового знака.
Латинским бесом нарисовано,
И задано идеей вражьей.
Я видел, как оно спрессовано
Под глыбами в памирском кряже.
До времени, пока не ожило,
Для управления миром, мило
Хранится в ящичках, уложено
В них, как хозяйственное мыло.
С ужасным «бременем» рифмуется,
Имеет дьявольский эпитет,
Взорвавшись, снова не спрессуется
В уютный параллелепипед.

Причина обгоняет следствие,
За хвост схватив его игриво.
Мы все здесь терпящие бедствие,
Последствия большого взрыва.
Желтеют листики зеленые
И вешняя вода спадает.
Мы мчимся, ветром унесенные,
Естественно спросить: куда я?

*Где вы, где вы, буфетные слоники,
И в трусах по колено борцы?
Вся эпоха как кадр кинохроники,
Где гуляют одни мертвецы.*

Поговорим с тобой о времени,
Все, что ни скажем, будет мимо.
Ты лучше как-нибудь соври мне,
Что время, мол, неощутимо,
Предмет не взвесить, не пощупать,
На завтрак с булочкой не схрупать,
Нет запаха, нельзя измерить,
Попробуем в него не верить.
У синя-моря в Партените
На берег сядем в голом виде,
Стихи любимые читая,
Считая за волной волну
И постепенно забывая,
Что мы у времени в плену.

9 МАЯ 2005 ГОДА

Алику Ханукову

Прощай, Арон, поток сознания
Нам возвращает трубы медные:
Оркестры, праздник, ликование
И утро майское победное.
Сейчас шумиха небывалая
Мучительна для сердца сирого –
И победителей не стало,
Да и победа эта – Пиррова,
Но совместились с грозной датой
Какой-то силой роковой,
И дружбы год шестидесятый,
И смерти день сороковой.
Прощай, Арон, поток сознания
Несется к месту назначения,
О чем нельзя узнать заранее,
А только после приключения.
Дрожат нагие души робкие –
Призывники в военкомате –
И ждут, когда их по головке
Придет погладить Богоматерь.
Выходит Петр-привратник справиться:
Кто из Москвы, а кто из Питера?
Бесцеремонно в душу пялится
Глазное яблоко Юпитера.
Прощай, Арон! К чему мечтания
И домыслы, что нас коробили?

Реален лишь поток сознания,
Оно и есть перпетуум-мобиле.
Давным-давно, еще за партами
Мы знали, мысль не уничтожится,
Мы были юными Сократами,
Нам было не о чем тревожиться.
Прощай, Арон, рукопожатия,
Тепло руки и жар сердечности,
Венкам подобные объятия
Плывут вслед за тобою в вечности.
Поток сознания, зияние,
Часть нам неведомого здания,
Что недоступно пониманию
И превосходит ожидания.

• • •

Знаешь, что такое старость?
Старость, когда в сердце лед,
Водка с праздников осталась,
Но ее никто не пьет.

НА БЕРЕГУ МОРЯ

I

Там дальше Терек и Казбек,
Все дико, зелено, курчаво,
А здесь Кавказ берет разбег –
Кавказского хребта начало.
Вначале наблюдаем мы
Не горы, а скорее склоны,
Не склоны даже, а холмы,
Похожие на терриконы,
Где ни травинки, ни куста,
Все мусор... и душа в засоре,
И с правой стороны пуста,
А левую вбирает море.

II

Напрасно я искал ее и звал,
И окликал, и плакал, и аукал,
Душа моя ушла, как кот, в подвал
И там забилась в самый темный угол.
И в тот же миг исчезла красота,
Такое, братцы, приключилось горе,
Я вижу все и видеть перестал,
Я вижу море и не вижу моря.

III

Я думал, что душа убита,
Забита, загнана в тартар,
Что прокатилось войско быта
По ней, как полчища татар.
Что стала тленом, сором, вещью,
Что превратилась в грязи ком,
А вышло, что еще трепещет,
Еще поводит плавником.

ШЕСТИКРЫЛЫЙ СЕРАФИМ

Саше Трифонову

Я точно помню этот миг
И точно помню этот вид,
Когда он в душу мне проник –
Испепелявший душу стыд.
Тот стыд, который не назвать,
Тот стыд, который не стереть,
Тот стыд, который не изъять,
Тот стыд, с которым – умереть.
Сам самому себе постыл,
Я ночью шел через пустырь
Сквозь недостроенный район
И слушал карканье ворон.
Нагромождения камней
Темнели, словно острова,
Холодным отблеском огней
Светилась вдалеке Москва.
Вдруг разорвав покровы туч,
Упершись в звездный потолок,
Возник не пламень и не луч,
Не смерч, не плазменный поток...
То был ли свет, пронзивший свет,
Свет от объектов вневзятых,
Иль Серафима силуэт
В сиянье всполохов ночных.
То мог быть исполина стан,
Перед которым я был гном.

То образ был иных пространств
И миг во времени ином.
Упершись в звездный потолок,
Он гнев и ярость излучал.
Я объяснить его не мог,
Но понял, что он означал.
Как труп я перед ним лежал
В сознание горького стыда.
А город от него бежал,
Как убегают поезда.

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

Саше Трифонову

Черный квадрат – это наша спесь,
Наша низость и наш ад.
И в час, когда все закончится здесь,
Там будет черный квадрат.

Черный квадрат поглотит миры
И звезды, и белый свет –
Все слопать рад. Для черной дыры
Покуда заслонки нет.

Но есть спасенье: весной в лесу
Почувствовать запах смол,
С разбега уткнуться лицом в росу
И крикнуть: «Король гол!»

АНГЕЛ

Весной в березовой роще,
Где луч пробивает листву,
Ангел крылом полощет
Апрельскую синеву.
Он весь из солнца волокон,
Он весь меж ветвей просвет.
Взглянул ненароком – вот он,
Вгляделся пристальней – нет!

ВОСКРЕСЕНИЕ

Марии Степановой

Смотрел я на восход малиновый
И голову назад закидывал,
Такого сине-сине-синего
Еще никто из вас не видывал.
Идет толпа многомиллионная,
Идут себе и не толкаются,
И все до одного влюбленные,
И все друг другу улыбаются.
От встречного не надо пятиться,
Раз настроение весеннее.
Я говорю, – сегодня пятница?
Мне отвечают, – воскресенье!

И вдруг я вижу, что у дверочки,
Ведущего в неясность входа,
Стоят мои друзья и девочки
Из пятьдесят восьмого года.
Стоит Борис и Танька с Дашею,
С кем целовались мы и пили,
От времени не пострадавшие,
Такие в точности, как были.

Они смеются, корчат рожицы
И делают глазами знаки.
Башка в жару, и мне неможется,
Я думаю – все бред и враки,
Но что-то мне сказать торопятся
Сюда пришедшие оттуда.
А сердце бьется и колотится
И все никак не верит чуду.

• • •

Вот море темное, немое,
Урчит немое, камни моя,
То срочно скалы огибая,
То прочь устало убегая.

ЗА КОШАЧЬИМ КОРМОМ

• • •

Как труден путь к вершине мастерства,
А сделать надо, в сущности, так мало –
Облечь воспоминания в слова,
Которых прежде не существовало.

• • •

Настоящее есть чудо,
Просто чудо, господа.
Появилось ниоткуда
И исчезло в никуда.
Улетело, растворилось,
Утекло, утратив суть,
И всего мгновенье длилось.
Меньше мига. Чуть. Чуть-чуть.
Накатило, укатило,
След не виден на воде.
Между будет и меж было
Промежуток этот где?

ФУТБОЛ

Футбол прекрасен не игрою.
В нем важен не накал борьбы.
Не рев толпы, не гол героя –
Я вижу контуры судьбы.
Здесь рок, схлестнувшийся со страстью,
Одoleвает страсти пыл:
Сначала бьет, как пульс в запястье,
И вот окаменел, застыл.

ЗА КОШАЧЬИМ КОРМОМ

Юрию Норштейну

Ты мне как-то сказал, – опиши
Этот самый процесс написанья...
В упаковке не стало души,
Что осталось – на грани скисанья.
Я иду по дороге. Метель
Прекратилась и в небе просветы.
Вижу снегом покрытую ель,
Но не чувствую дерево это.
Что-то кончилось. Нет куража.
Безразлично мне: чет или нечет.
Вон пичужка щебечет, кружа,
Мне до фени, что птичка щебечет.
Словом, чаша полна до краев
И кому-то дает утешенье.
Но не мне. Не моя. Не мое.
Не имеет ко мне отношенья.

• • •

Ход конем, ход конем, ход конем,
Я хожу, как лошадка, по кругу
С электричеством ночью и днем
В ожидании почты и друга.
Полумрак на моем этаже,
Солнца нет, и от этого – скука...
Милый друг, ты явился уже,
Ты вошел без звонка и без стука.
Одиночество – верный друган,
Неизменный и не предающий,
Я налью тебе водки стакан.
Ты молчишь – неужели непьющий?

• • •

Жена, не голоси,
И дети, не просите,
Веселье на Руси,
Как сказано, есть пити.
Наш князь зеленый змий,
И мы его солдаты,
Нас тьмы, и тьмы, и тьмы, и тьмы,
И мы уже поддаты.

ОРГАННАЯ МУЗЫКА

Он шел от винного угара
И ощущения Содома,
И вышел из пивного бара
Под своды Домского собора.
Убит одним ударом, с маху
От уха бритвою до уха,
Под звуки Себастьяна Баха,
Поскольку кончилась житуха.

• • •

Не жить, не чувствовать, уснуть,
Ко всем чертям куда-то деться,
Чтоб чей-то воздух не вдохнуть
И чьим-то солнцем не согреться.
Кого-то не толкнуть локтем,
В свою уткнувши миску рыло.
А это место за столом –
О, как же мне оно постыло!

• • •

Ты спишь со мной, легко дыша во сне,
И ни о чем, наверно, не жалеешь,
И ничего не помнишь обо мне
И никогда запомнить не сумеешь.

• • •

Он ничего не ищет, он иной,
И бури все равны ему, и мели.
Бортов соударения с волной –
И больше никакой особой цели.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР ПАСТЕРНАКА СО СТАЛИНЫМ

«Мы друга в беде не бросим,
И ты за него борись.
Вот так!» – говорил Иосиф –
«Да, но...» – возразил Борис.
«Живот положить за друга –
Прекрасней поступка нет.
А участь живого трупа...»
«Да, но...» – возразил поэт, –
Товарищ, скорей, по цеху,
А это не то, что друг».
«Испуг, – отвечал со смехом
Диктатор, – всегда испуг!»
«Да, но... от событий грозных
Тень ляжет на вас со мной.
Нам надо, пока не поздно,
Про вечность...» – Гудки, отбой.
Диктатор при этом слове
Почувствовал вдруг озноб
И свой увидел в сосновых
Венках и знаменах гроб.
Себя ощутил, как камень,
Летящий стремглав. Да, но
Летящий стремглав веками,
Все падающий на дно.

• • •

Я прожил здесь лет сто,
Душа невыеззная,
И знаю только то,
Что ничего не знаю.
Я только слышал звон
И потому лишь выжил,
Что, загнанный в загон,
Лежал в навозной жиже.
И капли от ее
Тлетворных испарений
Слепились в мумие
Моих стихотворений.

ИГРА, КОТОРОЙ НЕТ

АВТОБИОГРАФИЯ

Я обыватель, обличитель, расхожих песен сочинитель, мальчишка, юноша, отец, толкач, редактор, испытатель, в навозе жемчуга искатель и пошлостей банальных чтец. Чиновник, зачумленный службой, из крепостных невольных душ. Друг, оправдать не смогший дружбы, себя не оправдавший муж. Игрок, растратчик, мелкий шkodник, уроки прогулявший школьник, гуляка, бабник и при том тот самый путник запоздалый, злой, с бодуна смурной, усталый, не пущенный хозяйкой в дом. Иду сквозь улицы глухие, куда, бог весть, ответа нет. В закрытое окно России не достучавшийся поэт.

• • •

Мне прошлого не нужно никакого,
Но я хотел бы в мире жить похожем.
К примеру, стать в рассказе Казакова
Случайно им увиденным прохожим.

• • •

Нас в небе ждет элизиум,
А здесь — иллюзион,
Мы дни на дни нанизываем,
Как будто бы живем.
Как будто жить не против,
Как будто бы дыша,
Как будто бы из плоти,
Как будто бы душа.

• • •

Планета, словно поезд,
Летит в межзвездный мрак,
Конечной остановки
Не угадать никак.
А мы сидим, скучаем
И мнем в руках билет.
Давай с тобой сыграем
В игру, которой нет.

• • •

Что-то завтра
С нами станет,
Тяжел камень
Шею тянет.
Чужих мыслей
Ходы лисьи.
В душе нищей
Бесы рыщут.

• • •

Живешь — умей крутиться,
Прикидывайся, ври,
Не тронь пера жар-птицы,
А если взял — умри.
Взял — отправляйся в пекло,
Раз возжелал, плати,
Сгори до кучки пепла,
Иного нет пути.

• • •

Душа моя, дева немая,
Зачем я с тобой не молчу,
Дурацкий колпак надеваю,
Дурацкие шутки шучу.
Пока так нелепо и жалко
Треплю языком о пустом,
Танцует душа, как русалка
С раздвоенным рыбьим хвостом.

• • •

Я знал всю жизнь, чего не надо:
Не нужен жест, не нужен знак,
Не надо слов, не надо взгляда –
Оно понятно все и так...
Мне б замолчать, пока не поздно,
Но в споре долгом и крутом
Зачем-то сотрясаю воздух,
Жестикулируя притом!

• • •

Нет ничего смешней мужчины,
Когда в печали и тоске
Сидит он, теребя морщины,
В кальсонах и одном носке.
Он все хитрит и половинит,
Носок наденет, снова сымет,
И взять никак не может в толк,
Что выше: чувство или долг?

• • •

О, как мы к женщине глухи,
Ее себе считая ровней,
Мы посвящаем ей стихи,
Мы говорим – ты помнишь, помнишь?
Мы говорим ей – ты забыла
Тот пляж, тот сад и то авто.
А женщина не то любила
И помнила совсем не то.

• • •

Дрязги, склоки и укоры
Не щадим и не прощаем.
Наших ссор собачьи своры
Оглушают душу лаем.
Ночью липнет к окнам морось,
Снег за окнами маячит,
Спит душа с душою порознь
И во сне тихонько плачет.

• • •

Как телу надобен уход,
Как нужно языку общенье,
Душе необходим уход,
Побег, отъезд, невозвращенье.
Не от жены, не от трубы
Над крышей дома, не от быта!
Побег ей нужен от судьбы,
Которая душе открыта.

• • •

Оказалось, что не воин, что не волен,
Бледной немочью четвертый месяц болен.
Вот иду за суетою, не за делом,
Предо мной покрыто поле снегом белым.
Все покрыто пеленою снеговою,
И такие же снега над головою.
Мне б споткнуться да остаться в этом поле,
Затеряться в четырех шагах от воли.

• • •

Душа моя старалась
Не потерять лица,
Как карандаш, стиралась
И стерлась до конца.
А то, что мы любили,
Страдание и страх —
Лишь след графитной пыли
На сереньких листах.

• • •

Я не в тебя свой взор вперил,
Не о тебе грущу, прелестница.
Вся жизнь моя, как от перил
Вдруг оторвавшаяся лестница.
Я на нее гляжу в упор,
И вижу всю ее в пролете –
Уже без связей и опор
В рапидном медленном полете.

• • •

Он их встречал в морозном дыме
Лет двадцать каждый день подряд.
И был он замордован ими
И замурован был в квадрат.
Он думал, что они навеки,
А оказалось, думал зря:
Нет улицы и нет аптеки,
Канала нет и фонаря.

• • •

На проспектах твоих запыленных,
На свету, если свет, и впотьмах,
В грязно-серых и грязно-зеленых,
Просто в грязных и серых домах,
И в огромном квартирном закуте,
Здесь на третьем моем этаже,
Как-то странно мне думать до жути,
Что со мной все случилось уже.

• • •

Конечно наш Господь безбожник,
Поскольку Бога нет над ним.
Он беспощаден, как художник
К произведениям своим.
И одержимый, словно Врубель,
Он сам не знает, что творит –
Нечаянно шедевр погубит
И вновь уже не повторит.

• • •

Одно умение убивать
Мне дано двадцатым веком,
А нет умения забывать,
Немедля забывать об этом.
Убить – забыть, солгать – забыть.
Перед собой не лицемерить.
И самого себя любить,
И самому себе поверить.

• • •

Мороз сорвал на небе злость,
И небо взял в тиски,
И небо наземь сорвалось,
Разбившись на куски.
Настала тьма, средь этой тьмы
Смешались все пути,
И стали звать друг друга мы,
Но не смогли найти.

• • •

В день выборов я провожал знакомых
И на вокзале встретил итальянцев,
Они смеялись, звонкие как дети,
И по перрону бегали бегом.
А рядом мы, как нищие стояли,
Держа на шее тяжкие вериги
Российских специфических забот
И наших удивительных свобод.

• • •

Я занимаюсь странным зодчеством:
Из одиночеств строю здание,
Где маленькие одиночества
Равны большому одичанию.
И вот, в итоге ощущение
Стыда, вселенского конфуза –
Знакомая до отвращения
Модель Советского Союза.

• • •

Перестроимся и, не мешкая,
Перестроившись, побежим,
И короткими перебежками
На исходные рубежи.
Сквозь проклятые семидесятые,
Сквозь тридцатые злые года
До того поворотного столбика,
От какого мы все – не туда.

• • •

Рождественские шлю вам поздравления,
Дальнейшее известно вам заранее,
Что я поэт безвестный поколения,
Сошедшего на нет без покаяния.
Что стал принадлежать к сословию рвани я
Во дни, когда страна моя в агонии,
Вот почему с державным миром ранее
Я не был никогда в такой гармонии.

• • •

Душа моя от тела отлетела
И стала малым облачком печальным,
И грустно-грустно на землю глядела,
Вернувшись к тем кругам первоначальным.
Бесплотные к ней прижимались души,
Бессчетные, они сбивались в тучи,
Немотные, они точили слезы –
Три дня им оставалось видеть землю...

• • •

Я в том бою, где не убьют,
В сраженье, где, детей наивней,
Ручьи, по Тютчеву, поют
Победу над блокадой зимней.
Снега чернеют там и сям,
Но вражье лопнуло кольцо их –
Уже весна в лицо лесам
Зеленой дунула пыльюю.

• • •

Ты – как за тысячу веков,
Ты – страшно далека,
Ты – из приснившихся стихов
Последняя строка.
Строка, которой мне не в труд
Любых певцов забить,
Строка, которой поутру
Ни вспомнить, ни забыть.

• • •

День, утомленный сонной ленью,
Вдруг опускает поводя,
Я снова пропустил мгновенье,
Когда рождается звезда,
И возникает в тихой дали
Еще синеющих небес
Та звездочка нежней печали
И месяц тонкий, как порез.

ПИСЬМА РЕЖИССЕРУ Н.

ИЗ МОСКВЫ

Дорогой Ю.Б.!

Утром выскочил на Пречистенку, и меня поразила такая штука: возле Дома ученых и дальше тротуар был сплошь усыпан листьями. Листья выглядели еще свеженькими. То есть опали только что, одновременно, в одночасье. Мне пришло в голову: а вдруг то же самое происходит с поколением? В один прекрасный день осыпаются и уходят все разом (за исключением нескольких недобитков). Только с листьями это происходит наглядно, а с людьми нет. Что скажешь, какова идея?

Дорогой мой, тебе случалось... Ты знаком с синдромом Каштанки? Приходишь туда, где бывал тысячу раз, и не узнаешь ничего — вместо старых знакомых какие-то пирамиды, поставленные вверх ногами, с вертолетными площадками, замаскированными под ротонды. И ты на всех на четырех скользишь по утерянному следу...

Все мигом утекло,
Не удержал в ладошке.
Уперся лбом в стекло,
Чтоб видеть свет в окошке.
Ну что там, жизнь, покажь!
Ведь очень интересно,
А за окном пейзаж,
В котором нет мне места.

Нет, не ночные столичные магистрали с подпрыгивающими и подмигивающими англоязычными огнями, мимо которых проносишься на такси, и хочется по-гоголевски щелкнуть пальцами и сказать, черт возьми, потому что непонятно, по какому проспекту и где ты мчишься — в Лондоне, Амстердаме или Париже?

И не доходные дома, перед которыми молитвенно останавливается моя жена, дома, считавшиеся монстрами сто лет тому назад, а нынче символом чего-то там, в чем заключены «темной старины заветные преданья». И не храм Христа, картинно не вписавшийся в пленэр, и не притаившийся неподалеку от него в одном из арбатских переулков и выскакивающий тебе навстречу, как черт из табакерки, домик трех поросят с фальшивыми фризами и колоннами в сиянии своих прожекторов. Все это, независимо от того, хорошо оно или плохо, вытесняет меня, доводит до клаустрофобии. Мне мила только свалка на отгороженном сетчатым забором пустыре, в ста шагах от моего дома. Хочешь — верь, хочешь — не верь, там еще на прошлой неделе цвели любимые цветы.

Россия, воспевать тебя в стихах,
Иль мимо проходить, не замечая?
Ты вся — как эта свалка в лопухах
И зарослях цветущих иван-чая.

Действительность выдавливает меня, как зубную пасту из тюбика. Я не могу на это смотреть, но мне надо все это видеть и слышать. Вот в чем проблема, которая усугубляется тем, что предмет моего интереса — лицо века, а столетья в своем начале — как груднички в яслях.

В начале век сравним с дитятей:
Черты расплылись, растеклись,
Спит в детской маленькой кровати —
Беззубый рот, писклив и лыс.
И мы, на это диво глядя,
Не знаем, чем нас удивит,
Когда он станет взрослым дядей —
Четырехлетний индивид.

Стало быть, пошире раскрой глаза и уши — и на улицу.
Юр, ты знаешь, я долго не могу говорить и писать прозой, у
меня глаза вылезают из орбит, я разеваю рот, как рыба на пес-
ке. Посему перехожу на возвышенный слог, благо для этого
достаточно предпосылок.

Наискосок от нас, ты должен знать,
Особнячок божественного дяди.
И дальше все дома ему под стать,
Сплошной ампир, как будто в Петрограде.
С Остоженки спускаюсь вниз к реке,
Миная Ростроповича хоромы.
Я точно знаю, он невдалеке,
И вот уже он виден из-за дома.
Средь рей и мачт вознесся над рекой,
Над всей Москвой возвысился картинно,
В ботфортах, металлический такой,
От папы Церетели Буратино.
Большая кукла над страной торчит,
Дурацкий колпачок надет на темя...
Но это все, как говорится, быт,

А я, поэт, хочу услышать время.
А не услышу, лечь мне легче в гроб,
А не услышу, нет ко мне доверья!
Как Тикусай твой, взяв фонендоскоп,
Я побегу прослушивать деревья.
Как Тикусай среди осин, берез,
Чтобы расслышать ахи их и вздохи...
Какие шутки! Это все всерьез,
Я разгадать хочу черты эпохи.

Не помню, я говорил тебе или нет, когда я первый раз посмотрел твой японский фильм, в монтажной запахло осенью. Я долго ломал голову, как так может получиться? Вот тебе моя гипотеза: в момент, когда балдович Тикусай дурачится и прикладывает ухо к стволу дерева, мы, зрители, отождествляем себя с персонажем. Мы ощущаем фактуру коры, странную, ни на что не похожую живую деревянную прохладу, мы угадываем душу дерева. И слышим запах осени. Так ли это?

Я представляю, как ты в монтажной гоняешь пленку. Взад-вперед. Взад-вперед. Щелчок. Несколько кадров летят в корзину. Склейка. И возникает образ леса, обдуваемого раздухарившимися ветрами. Методом ошибок и проб ты находишь наконец то, что искал. Отказаться от ненужных стихов сложнее — они, сволочи, запоминаются. Я тут написал, разорвал в клочки, сжег и спустил пепел в унитаз. Стих как ни в чем не бывало торчит гвоздем у меня в голове:

Вы мне хоть верьте, хоть не верьте —
Руководят Россией черти,
Всем заправляет их местком.
И над странною этой странной
Вершится суд их окаянный,
У них печати под хвостом.
И ставят нам на лбы печати,
А мы все говорим некстати,
Не то, не так и не о том.

После объясню, почему это следует сжечь. Но сначала послушай про «Голубое сало». Один молодой поэт все доискивался у меня, как я отношусь к названному продукту? Я ему ответил:

Пиши про «же», пиши себе про «хе»,
Пиши, пожалуй, про дерьмо коровье,
Но так уж полагается в стихе,
Чтоб было все написано с любовью.
А ежели ты пишешь для башлей,
Которых у тебя все время мало,
То и выходит пошлого пошлей,
И ни при чем тут «Голубое сало».

Юноша с недоумением посмотрел на меня. «Нравится, — сказал я ему, — мне нравится любое сало, особенно под водку». Я думаю, он так и не понял. Семь прекрасных дев стоят перед Иван Царевичем. Девы, как известно, все одинаковы. Но одна подлинная, остальные — клоны, фальшивки, пошлость. В сказке красавица угадывается благодаря мушке, в жизни — серд-

цем. Короче, занятие это субъективное. Есть, правда, у любви один общий признак: в отличие от пошлости она не агрессивна. Любовь, по определению, ни с кем не воюет.

Идет война Алой и Белой розы,
Повсюду вопли, повсюду слезы.
В публике волнение небывалое —
Воевать за Белую или за Алую?
Через пятьсот пятьдесят лет
Получен единственный ответ:
Господа, успокойтесь, отбросьте сомнения:
За кого воевать — не имеет значения.

То же самое сегодня:

Гражданин любого звания —
Мой земляк и гость столицы,
Голосуй без колебания,
Невозможно ошибиться.
Ставишь крестик здесь ли, рядом,
«Против», «За» — народ ликует —
Между раем и меж адом
Разницы не существует.

Это действительно так, но боюсь, мне не поверят. Теперь понимаешь, почему опус про чертей надо было сжечь. Стих вызывает желание колошматить нечисть. А воевать с нечистью все равно, что ей уподобиться. Чертей можно только крестить, но для этого нужно иметь большую веру. Во времена известных энтэвэшных баталий я застенографировал свой разговор с женой:

Я говорю: — Послушай, не финти,
Ведь ты же собралась совсем и скисла.
Она в ответ: — Мне незачем идти,
К тому же дождь. Нет никакого смысла.
— Черт с ним с дождем! Пройдемся по Москве,
Нам нужно защищать! — кричу жене я.
Она: — Возможно, но не НТВ,
Иное что-то, что куда важнее.

Мне кажется, это что-то ты чувствуешь кожей. Я вчера еще знал, а сегодня со своим склерозом нить теряю... Впрочем, не стану нытьем гневить Господа, а лучше возблагодарю его за подарки.

Во-первых, меня пригласили на концерт Наташи Гутман. Каждый раз, когда я отправляюсь на Никитскую, меня заносит во дворик в Мерзляковском переулке. Как бы я ни спешил, не могу пройти мимо. Я, когда был пацаном, сотни раз в школу бегал через этот двор.

А в том дворе такой знакомый,
Такой привычный с детства вид —
Напротив гаршинского дома
Опальный памятник стоит.
Где прежде холмик был пологий
И мы играли в царь-горы —
Больной разжалованный Гоголь,
Изгнанник сталинской поры.

Над скорбящим Гоголем спереди, сзади, слева, справа
склонились деревья и сомкнули свои кроны, образовался

шатер — разве не чудо? Деревья его оберегают! Они-то знают, что нужно защищать. Второе чудо — сама Наташа. Ты не раз повторял: «Никакого вдохновения. Жопа-часы!» Не знаю, как там у тебя получается, но Н.Г. исключение из этих правил. Ты заметил, когда Наташа исполняет какую-либо музыкальную пьесу, на лице ее играет божественная улыбка, а боги — существа вдохновенные, что отрицать невозможно. В этот вечер Наташа играла Шнитке. Второе отделение — шнитковский (не григовский) «Пер Гюнт». Я написал на полях программки:

Ты как из каменного века
Смычком кричащая: Ого!
Похожая на человека,
Который высекал огонь.

Черная бабочка Наташа
Над Рахманиновским залом
Так густо летишь.

Скорей!
Скорей!
Побежим за струнами,
Может, счастье там?

Не хочу оставаться, где тролли,
Там, где тролли, такси и Нева,
А хочу оказаться, где воля,
Там, где воля и гор синева.

Ты приди за мной, Сольвейг, на лыжах,
Ты свяжи меня, Сольвейг, потуже,
Приголубь, отнеси меня в дом,
Чтоб забыть навсегда этот ужас,
Чтоб не пахло трольчачьим дерьмом.

Здесь не случилось,
Тут не вышло,
Там оказался мягкотел,
Того не допустил Всевышний,
Чего-то сам не захотел.
Но отвечают ритмы — тут мы.
Мы жизнь, туды ее в качель.
И надо всем Наташи Гутман
Дрожащая виолончель.

С каждым движением ее смычка я молодею. В перерыве мне сделалось сорок лет. Я добежал до театра Маяковского (ближе цветов не было), купил пять черных роз и успел-таки в антракте преподнести их виолончелистке, когда она в очередной раз выходила на поклон. Вот так.

Обнимаю, твой...

Сентябрь 2004

ИЗ ПАРИЖА

Дорогой Ю.Б.!

Я сижу в светлой, просторной комнате твоего друга. Из окна одиннадцатого этажа виден весь Париж. Я смотрю на этот пейзаж, на секунду отвлекся, задумался, и мне представилась такая картиночка: мы идем с тобою по старому Арбату, не обращая внимания на малеванья арбатских художников. Сворачиваем в Малый Николо-Песковский переулок. Переулок почему-то горбатится, и там тоже сидят художники. У одного на картоне Эйфелева башня. Мы спрашиваем: «Почем?» Он отвечает: «*Désolé, je ne comprends pas*». И вокруг все говорят только по-французски. Мон-мартр?! Или. Мы выходим из твоей мастерской, за дверью чистое поле. Пират лает, радуясь вольному воздуху. Мы идем по влажному, рыхлому грунту туда, где на горизонте лес. Подошли, а это не лес, а Версальский парк. Такой же бескрайний и вольный, как русское поле... Нам открылось окно в Париж?! Вот какая чушь приходит в голову на одиннадцатом этаже в квартале *Buttes Chaumont*.

Само собой все было не так. Мы вылетали из «Внуково» charterным рейсом. Жена кукуется. Ей некстати моя командировка. У нее срочная работа. Некстати и опекать такого профессионального зануду, как я. Вылет задерживается на час, на два, потом на пять часов. Как выясняется, компания знала о пятичасовом опоздании еще три дня тому назад, но нас забыла предупредить. Наконец, приглашают на посадку. Ошеломляющая проверка носков и проч. Мы прилетаем в аэропорт Бове. С неба капает, в гостинице с потолка тоже. Номер нам поменяли, но погоду менять не стали. Дождь так

и лил пять дней до конца нашего путешествия. Короче, Наталье все это было не в кайф.

У меня свои проблемы. При первой встрече с Парижем (это вторая) душа, как карточка поляроида, заполнилась вся проявившимся в ней городом. Любовь, страсть, полнейшее поглощение предметом. Ни о чем другом думать невозможно. Сейчас мог! Второе свидание. Бродил по Монмартру, Елисейским Полям, пялился на Лувр и думал о посторонних вещах. Например, дивился тому, что есть страны, где заботятся о людях, или горевал о наших братьях, которые постоянно берут не то, что им нужно. Юра, дорогой! Скажи мне, почему мы всегда, начиная от византийской нашей веры, делали неправильный выбор? Взять хоть твоего любимого Гоголя. Ясно на раз, что к гению стоит прислушаться. Толмачей не надо, однако толмач так хорош, что не могу удержаться и цитирую: «В “Выбранных местах” находятся страницы красоты изумительной, полные правды беспредельной, страницы такие, что, читая их, радуешься и гордишься, что говоришь на том языке, на котором такие вещи говорятся» (Чаадаев).

Но в известном письме
Выражает сомнение
Наш неистовый смерд
В компетентности гения.

И русская образованная публика берет сторону журналиста. А поступи она иначе, может быть, и не пришлось звать к топору Русь и убивать Столыпина, Возможно, вообще не было бы всех тех мелких неприятностей, которые привели к тому, что мы имеем то, что имеем.

Не та тарелочка и чашка,
Не та закусочка к винцу,
Не те штаны, не та рубашка,
И галстук вовсе не к лицу.

Словом, облом по всем статьям, а с литературой вообще!.. Почему альбомное «Чудное мгновенье...», а не «На холмах Грузии...»? Почему «Двенадцать», а не гениальный Хлебниковский «Ночной обыск»? Ай-да-Пушкин, конечно, молодец, но «Царь Федор Иоаннович» лучше. Примерам несть числа.

Вот так брожу с Натальей по обожаемому, божественному Парижу и бранюсь, ворчу, нудю. Зачем, почему — зануда.

Знаешь, что Кришна Джи сказал о печали? Надо беспристрастным оком рассмотреть ее, как реку со всеми притоками от истока до устья, разом всю, и она исчезнет. По всему маршруту наших парижских прогулок я расставлял экспромты как столбики или буйки. Пусть этот ряд будет называться «Экспромты для правого глаза».

ЭКСПРОМТЫ ДЛЯ ПРАВОГО ГЛАЗА

1

Французский дождь лениво каплет
На Елисейские Поля.
Звучок упавшей с неба капли
Напоминает ноту ля.
Мы думали, в Париже солнце,
А солнца нету ни фига,
Так получаешь хлеба с сольцей
Заместо с вишней пирога.

2

Там, где церковь святой Магдалины,
Там, где Лувр, Тюильри и Версаль,
Где лежат на лотках мандарины,
К нам внезапно явилась печаль.
У печали жидовские пейсы,
У нее седина в голове,
Прибыла она чартерным рейсом
Из российской столицы в Бове.

3

Вот кладбище, где все так странно,
Здесь Гейне спит и Сын-Дюма,
А из тумана прут Османа
Пятиэтажные дома.

Сгустились тучи низко-низко,
Молотит дождик, не щадя...
А я пишу тебе записки,
Экспромты на полях дождя.

4

Мы десять улиц прошагали
И чуть поменьше площадей,
Сейчас бредем по плац Пигали
И не встречаем там людей.
Париж от публики свободен,
Лишь куртка жесткая ребром,
В ней мчится байкер, что подобен
Той редкой птице над Днепром.

5

Шел дождик между ив и тополей,
Как кисея без поперечных нитей.
И мы кричали: «Дождик, дождик, лей!»
И этим поменяли ход событий.
Дождь сразу превратился в проливной,
Окрасив темно-синей краской дали,
А мы с тобою прятались в пивной
И потихоньку ссорились и ждали.

6

Мне в Париже все не мило.
Я хожу сердит и зол.

А жена мне объяснила:
Сыро, мокро, дождь прошел.

7

Париж имеет формы,
Но он не знает нормы.
Если того пожелает нутро,
Француз может быстро пописать в метро.

8

Хоть осень палитры неяркой,
Но глаз прошибает слеза —
Цветами версальского парка
Заполнены с верхом глаза.
Цвет медный, багряный, паленый,
Цвета благороднейших вин:
Коричневый, желтый, зеленый,
А мне вспоминается «Двин».

9

А где подружка Джеймса Бонда
Джиоконда?
Мы, поднимаясь кверху снизу,
Везде находим Мону Лизу.
Придумал эту штуку кто-то,
Видать, большой оригинал.
Мы во всех залах видим фото
И лишь в одном — оригинал.

10

Исчезла блудная супруга,
А вместе с нею блудный сын.
Пришлось мужу очень туго,
Остался, бедненький, один.
Вернулась блудная обратно,
А вместе с нею блудный фис.
Все восхитились, всем приятно,
А мужу бедному — сюрприз.

11

Невыносимый, мерзкий, гадкий,
Тот, чьи слова — сплошной упрек,
Всегда как слон в посудной лавке,
Одновременно — как хорек,
В харчевне возле Мулен Ружа
Схвативший жадным ртом дор-блю,
Идущий в тапочках по лужам,
Прости... я так тебя люблю.

12

В Варзобском ручье ледяном
Мне было теплей —
Ты меня целовала.

В одном из парижских садиков мы увидели статую обезглавленного монаха, который голову свою держит в руках. Говорят, так он прошагал пять миль:

13

Взываю к ветреной фортуне
У галереи Лафайет,
Но просьба остается втуне,
Она ответа не дает.
Душа моя стремится к высям,
Плоть жаждет обратиться в прах,
И я хожу, как Дионисий,
С башкою собственной в руках.

А теперь экспромты для левого глаза.

ЭКСПРОМТЫ ДЛЯ ЛЕВОГО ГЛАЗА

1

Переводчица Софи
Как-то, глаз скосивши узкий,
Мне, кривясь, сказала: «Фи!
Формы нет у вас, у русских!»
Я подумал: неспроста!
И на всякий случай руки
Опустил вдоль живота –
Не расстегнуты ли брюки?

2

Как дядя Пушкина, обижен
На православную Москву,
Я крикнул: «Братцы, я в Париже,
Не существую, а живу!»¹
Но в номере был сломан кран,
Свисала с потолка короста.
Оно, конечно: вив ля Франс!
Однако все не так уж просто.

3

Я над Нотр-Дамом де Пари
В ночи увидел Люцифера.

¹ У Василия Львовича сказано: «Друзья, сестрицы, я в Париже! Я начал жить, а не дышать...»

Злодей над храмом воспарил
И вжался в стенку, как химера.
Приятность придавал глазам
Из адской преисподней идол
И палец прижимал к губам,
Затем, чтоб я его не выдал.

4

Парижский дождь, как и московский,
Их различить нельзя никак,
Такой же мокрый он и скользкий
И так же делает кап-кап.
И нет томительней невзгоды,
Чем непогоды пелена,
Чем эти мутные разводы
С обратной стороны окна.

5

Листья желтые кружатся над Нотр-Дамом,
Это нравится мусье и ихним дамам.
Над Нотр-Дамом и над Эйфелевой башней –
Листья желтые, опавший день вчерашний.
Листья желтые прощаются с натурой...
– Невозможно, чтоб над Эйфелевой дурой,
Чтоб кружили черте где под небесами.
– Сомневаетесь? Тогда проверьте сами.

6

День начинается со тебя,
Дождь не желает перестать
Французский дождь стучится в стекла,
Чтоб с нами время скоротать.
Бесцеремонный, как приятель
Или Версаля короли.
Послушай, ты пришел некстати,
Отстань от нас, домой вали!

7

Я отыскал бы в Лувре Гойю
И целый день смотрел на Гойю.
А остальное все другое,
Чтоб не мешало, пнул ногою.

8

У музея Помпиду
В переход метро иду.
Негр колотит в барабан,
Смотрю на негра как баран.
Дам ему, конечно, евро
У музея Помпиду.
– Ты сыграй, – скажу я негру, –
У прохожих на виду.

9

Попробуй прекрати
Романы дам с вещами.
Красотку от «Тати»
Не вытащить клещами.
А я «Тати» не рад,
Я не охоч до тряпок.
Купить Версальский сад?
Боюсь, не хватит бабок.

10

Я в него влюблен,
Я просто болен,
Моя радость и моя печаль...
Если можно что сравнить
С крестьянским русским полем,
Это королевский сад Версаль.
Я смотрел бы на него часами,
Удивляясь строгой красоте,
Где деревья вкупе с небесами
И на небе надпись – либерте.

11

Увидевши сады Версаля,
Вы б от восторга заплясали.
А вот версальский кот –
Не пляшет, не поет.

Умильный вид,
И не похож на бегемота,
Под табличкою сидит:
Просьба, не снимать на фото.

12

А мы в кафе сидели, как на сцене.
И вечер был у нас совсем не слабый.
Шли по Парижу, снова вышли к Сене,
А Сеня, как всегда, с какой-то бабой.

13

Пришел московский клошар
На Сен-Жерменский бульвар –
Забуть о стране Путин,
Забуться в стране Сутин.
Забылся,
Напился,
На Остоженке очутился.

Вот перечел, переписал, и тоски не стало. Печаль моя
светла... И я подумал, у французов есть одна вещь, которой
чересчур: это *indépendance* — незалижность, а мне ее не надо.
Я хочу быть зависим от тебя и от других моих любимых.
Обнимаю... твой...

Ноябрь 2004

СТИХИ НА ПЕСКЕ

1. ЕГИПЕТ. ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

ЕГИПЕТСКАЯ ПАЛЬМА

В чем суть твоя заключена,
Как мне с тобой разговориться,
Сравнимая с ногой слона
И в то же время с райской птицей,
Дитя иных планет и стран,
В тебе какая тайна скрыта,
Подарок инопланетян,
Тебя зовут не Аэлита?
Стою пред нею, не дыша,
Почти молюсь, как на березу,
Но остается мне чужа
Душа красавицы и греза.
Она в чешуйчатой броне,
Мне явно не хватает такта,
И что-то говорит во мне,
Что нет контакта, нет контакта!

ВОРОНА В ХУРГАДЕ

С утра ворону черти носят,
Она орет всем нам на горе,
А после извиненья просит,
Упорно повторяет: Сор-р-ри!

ПУСТЫНЯ

1

Пески, пески, пески, пески
Во все пространство кругозора
Спешат нам усыпить мозги
С усердием гипнотизера.
Пески и горных кряжей цепь,
Но горы кажутся пустыми,
И хочется отсюда в степь –
Ведь степь наоборот пустыни.

2

В Египте горы из песков,
Как будто встать уже не волен,
Распавшийся на сто кусков,
Лежит рассыпавшийся Голем.
И ни травинки, ни куста –
Пустыня во всю ширь безводная,
А поперек гора пуста,
Как будто женщина бесплодная.

3

Пески, за ними вновь пески,
Пески, вдруг пальмы исполины.
Поля бесплодные тоски
И Нила тучные долины.
Пустыня и цветущий сад –
Вот все мои воспоминания,
Одновременно рай и ад,
И это выше понимания.

КАИР

Мухи

Здесь все чужое: фараоны, духи,
Гробницы, пирамиды, ананас...
Но благ Господь, египетские мухи,
Мне так же досаждают, как у нас.

Фото

Нам вряд ли запомнится, кто нас поил
И что мы тут ели и пили,
Останется в памяти серый Каир,
Дома из песка и из пыли.
Араб на верблюде в цветастой чалме,
Застывший как часть пирамиды,
И древний, щербатый на древнем холме
Приставленный к вечности идол.

Шаг змеи

*«Стрекотунья белобока..»
А. С. Пушкин*

Тебе гостей сулит сорока,
А нам совсем не до гостей,
Нам от себя самих морока.
Да, скифы мы! Да, мы рабы!
И вот в Египте мы, заразы.
В нас сфинкс глядится пустоглазый
Неотвратимостью судьбы.

ЛУКСОР

1

Карнак подобен небосводу.
Он заключил в себя природу,
Он вечности принадлежит.
А вечность вещь такого рода –
О ней болтать не надлежит.

2

Гнет судьбы ломает кости,
Прошибает до мосла,
Чтобы оставались после
Благовонные масла.
Дух преображался в стих,
И отбрасывался жмых.

ПУСТЫНЯ – 4

Я, улыбаясь без причин,
Скажу вам робко:
Из-за скопления машин
В Сахаре пробка!
Не вздумайте меня стыдить –
Как врет, каналья!
Про пробку может подтвердить
Моя Наталья.

ПЛЯЖ

Бескрайний пляж.
Возьми и ляжь.
Тогда увидишь два следа –
Мы по песку пришли сюда,
Где море родниковой чистоты
И в целом море я и ты.

II. ЛОСКУТ ПАПИРУСА¹ (ТЯЖБА СЕТА И ГОРА)

... И Сет брызгал в Гора слюной,
И Гор брызгал в Сета слюной,
И тогда Ре-Хараhti,
Владыка вселенной,
Закричал: – Убирайтесь домой!
Вы, два юноши Гор и Сет,
Премираетесь триста лет.
От вас в ушах звон –
Пошли вон!
И Сет сказал Гору, как другу своему:
– Пойдем отдохнем в моем дому.
Гор посмотрел на него в упор:
– Я согласен, согласен, – сказал Гор.
И они отдыхали, как могли:
Поели, попили и спать легли.
И Гор уснул меж враждебных стен.
А Сет тогда укрепил свой член,
И Гору, лишь только Гор уснул,
Засунул меж ляжек и вправил и вдул.
Но гость
Подставил горсть.

² Один из многочисленных эпизодов мифа о споре Сета и Гора. Речь идет о том, кто должен наследовать трон Осириса – сын его Гор, или Сет (брат матери Гора – Исиды). Тяжбу должна разрешить Энеада – высшая коллегия египетских богов.

.....

И Гор заревел, как гиппопотам,
Он мчался, а стыд за ним по пятам.
Гор семя Сета держал в горсти:
– Мама, ты сына должна спасти!
Мать моя Исида, мне конец,
Меня затрахал этот подлец.
Исида в ночнушке включила свет:
– Боже, что сделал с тобой Сет!
Заметалась по комнате, выпила боржом,
Поганую руку отрезала ножом.
Бросила в болото вонючую, хреновую,
А сыну прилепила равноценную новую.
Взяла приятно пахнущий крем,
Помазала кремом Гору член.
Опустила член в небольшой сосуд.
Вот они оба стоят, ждут.
Прошло совсем небольшое время –
Гор испустил в сосуд свое семя.
Накрывши амфору чистой тряпицей,
Решила Исида на хитрость пуститься
И с амфорой этой в утреннюю пору
Отправилась в сад обидчика Гора.
Спросила Исида садовника Сета:
– Какая, скажи, у Сета диета?
На что садовник ответил Исиде:
– Латук в сыром и вареном виде.

Божественной Нут божественный сын
Не ест ни бананов, ни дынь, ни маслин.
Употребляет только салат латук,
Съедает за день до сотни штук.
Латук ослабляет действие вина,
Особенно если кто с бодуна...
Тогда Исида безо всякого стеснения
Обрызгала спермой это растение.
Сет за завтраком салатом похрустел
И, как сами понимаете, подзалетел.
Ничего не зная о своей беде,
Сет решил выступить в божественном суде.
И посмотрев на Энеаду хитро
(На это египетских богов политбюро),
Так закричал: – Энеада! Энеада!
Мне больше с Гором бороться не надо.
За сан и трон Осириса бороться...
Ведь я победил этого уродца.
Энеада молчала, головами покачав.
Лишь Тот воскликнул: – Борись, ты не прав!
Тут Сет Энеаду оповестил:
– Я Гора опустил! Я Гора опустил!
И смех по суду прокатился волной.
И боги плевали в Гора слюной.
Но Гор воскликнул: – Сет лжет,
Зря надо мной Энеада ржет.
Пусть вызовут наше семя на свет,
И все поймут, что соврал Сет.

Тогда, могуществен и суров,
Встал Тот, владыка божественных слов,
И, руку прижавши Гору к груди:
– Эй, семя Сета, – сказал, – выходи!
Вдали забухтело неясное что-то,
Семя откликнулось из болота.
Тогда владыка божественных слов,
Взглянул на Сета, сердит и суров,
И, руку прижавши к его груди,
Семени Гора велел – выходи!
И семя сказало: – Божественный суд,
Я тут!
Мне не понятно только одно –
Откуда, о Тот, я выйти должно?
И Тот отвечал: – Выходи через ухо!
– Через ухо – не хватит духа,
Поскольку я божественное семя,
Уж лучше я выйду на свет через темя...
И вышло в виде золотого диска.
.....
Голос Сета дошел до визга,
Покуда он катался, плакал и кричал.
Смеялся Ре-Хараhti – начало всех начал.

III. ПРОЩАНИЕ С МОРЕМ

Татьяне Кузовлевой

Оно всегда являлось вдруг,
Когда его почти не ждали –
Огромный синий полукруг
И с небом слившиеся дали.
Соединенная без шва
Переливалась и сияла
Небес и моря синева,
И это сердце потрясало.
И я по серпантину вниз
Все ускоряю бег летящий,
Но вдруг открывшийся сюрприз
Внезапно исчезал за чащей.
Исчезнет и опять мелькнет
Всего на миг полоской тонкой.
А если вовсе не придет,
Как на свидание девчонка?

Стоять у моря под окном,
Страдать и изнывать часами,
Кому-то там кричать: мокнем!
Куда-то плыть под парусами.
Не будет этого. Конец.
Все. Я выбрасываю ласты.
До возвращения колец!
Приходит час разлуки. Баста.

Прощай, зеленая волна!
Ах, море, море, ты ли, ты ли...
Прочти записочку. Она
Тебе отправлена в бутылки.

Прочти записочку, прочти,
Ведь ты такое голубое.
Прощанье с морем, что почти
Прощание с самим собою.
В разрезе море, как змея –
Извилистые волн барашки,
Где каждый гребень – это я
И волны дней ушедших Сашки.
Я в прошлом, позапрошлом дне,
И это все мои фантомы,
Бегущие в морской волне
Изгибы голубого тона.
Фантомы, шелуха, лузга,
Уже не я, а пена, накипь.
Накатятся на берега,
Потом уйдут в песок и... на фиг!

2007

В КНИГЕ

БИЛЕТ ПЛАЦКАРТНЫЙ

«Подарить тебе апрель...»	5
«Осталось так немного моря ...»	7
Сон	8
«Все у нас, людей, не просто...»	9
«Бодхидхарма, методом явочным...»	10
«Быть может, не во сне, а наяву...»	11
«Билет плацкартный – это вид...»	12
«Я книгу написал...»	13
«Здесь ласточки, и солнце, и трава...»	14
«Был человек Сашка...»	15
«Виновато шепнешь: я чуть-чуть...»	17
«Что мне Гекуба, я Гекубе...»	18
Христос и его ученики	19
«Не помни зла. Наполни...»	20

ЛЮБЛЮ

«Докучный бумагомарака...»	23
«Какая ночь! В такую ночь...»	24
«Глаза в глаза загляделись...»	25
«Пока мы спали как убитые...»	26
В начале жизни	27
«На Киевском вокзале...»	28
«Мой люблюд, смешной зверок...»	29
Ремейк	30
«Пока цепляешься за сонм...»	31
«Мир хрупок и звенит. Деревья...»	32
«Добрая весть...»	33
«Мне осталось чуть-чуть...»	34
Склероз – реинкарнация	35

ЗАМЕДЛЕННОЕ КИНО

У омута	43
«Отбросим бред, почерпнутый из книг...»	49
«Как судьба ни корила...»	50

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА БЕРЕГУ МОРЯ

Время	53
9 мая 2005 года	55
«Знаешь, что такое старость?..»	57
На берегу моря	58
Шестикрылый серафим	60
Черный квадрат	62
Ангел	63
Воскресение	64
«Вот море темное, немое...»	66

ЗА КОШАЧЬИМ КОРМОМ

«Как труден путь к вершине мастерства...»	69
«Настоящее есть чудо...»	70
Футбол	71
За кошачьим кормом	72
«Ход конем, ход конем, ход конем...»	73
«Жена, не голоси...»	74
Органная музыка	75
«Не жить, не чувствовать, уснуть...»	76
«Ты спишь со мной, легко дыша во сне...»	77
«Он ничего не ищет, он иной...»	78
Телефонный разговор Пастернака со Сталиным	79
«Я прожил здесь лет сто...»	80

ИГРА, КОТОРОЙ НЕТ

Автобиография	83
«Мне прошлого не нужно никакого...»	84
«Нас в небе ждет элизиум...»	85

«Планета, словно поезд...»	86
«Что-то завтра...»	87
«Живешь — умеешь крутиться...»	88
«Душа моя, дева немая...»	89
«Я знал всю жизнь, чего не надо...»	90
«Нет ничего смешней мужчины...»	91
«О, как мы к женщине глухи...»	92
«Дрязги, склоки и укоры...»	93
«Как телу надобен уход...»	94
«Оказалось, что не воин, что не волен...»	95
«Душа моя старалась...»	96
«Я не в тебя свой взор вперил...»	97
«Он их встречал в морозном дыме...»	98
«На проспектах твоих запыленных...»	99
«Конечно наш Господь безбожник...»	100
«Одно уменье убивать...»	101
«Мороз сорвал на небе злость...»	102
«В день выборов я провожал знакомых...»	103

«Я занимаюсь странным зодчеством...»	104
«Перестроимся и, не мешкая...»	105
«Рождественские шлю вам поздравления...»	106
«Душа моя от тела отлетела...»	107
«Я в том бою, где не убьют...»	108
«Ты как за тысячу веков...»	109
«День, утомленный сонной ленью...»	110

ПИСЬМА РЕЖИССЕРУ Н.

Из Москвы	113
Из Парижа	122
Экспромты для правого глаза	125
Экспромты для левого глаза	130

СТИХИ НА ПЕСКЕ

Египет. Путевые заметки	137
Лоскут папируса	145
Прощание с морем	150

Издательство «Воймега» представляет книги:

СЕРИЯ «ПРИБЛИЖЕНИЕ»

Александр Максимов. НОВЫЙ ГОД (II)

Валерий Халяпин. ТРИ-ВЫ-Я

Александр Сорока. ТУТЫРЬ

Андрей Чемоданов. СОВСЕМ КАК ЧЕЛОВЕК

Алексей Тиматков. ВОЗДУШНЫЙ ШАР

Ольга Нечаева. ПТИЧЬЕ МОЛОКО

Всеволод Константинов. СЕДЬМОЙ ПУТЬ

а также

Ирина Ермакова. УЛЕЙ

Ян Шенкман. СКОРО ПРИДЕТ КОНЕЦ ПТИЦЕ,
ОГЛОХШЕЙ ОТ СОБСТВЕННОГО ПЕНИЯ

Денис Новиков. ВИЗА

Книги можно приобрести:

в Книжной лавке Литинститута (Тверской бул., 25)

в книжных магазинах

- «Фаланстер» (Мал. Гнездниковский пер., 12/27, стр. 2-3),
- «Билингва» (Кривоколенный пер., 10 стр. 5),
- «ПирОГИ на Никольской» (Никольская ул., 19/21)
- «Пирог на Зеленом» (зеленый пр., 5/12)

Александр Тимофеевский
Размышления на берегу моря

верстка Кирилл Струков
разработка дизайна Владимир Ходукин

Издательство «Воймега»

редактор Александр Переверзин
директор Александр Грачев

e-mail: voymega@yandex.ru

Отпечатано в типографии «Пробел – 2000»
Москва, ул. Поварская, 30/36
Бумага офсетная. Формат 60х90/16
Гарнитура «Peterburg». Усл. печ. л. 10

Тираж 500 экз.

Воймега